

Ремень

Где-то здесь должна быть улочка ремесленников, там не только магазины, продавцы, но и мастерские, художники. Сейчас спросим... А вот, она! Пошли, что покажу.

Иван всё покажет! Каждую пушку на Шипке он мог разобрать, смазать, собрать и пустить в дело, каждого ополченца понять и каждого генерала оценить. В Казанлыке в витрине музея стояли пробирки с порохом, гордость тамошнего «Арсенала». Иван слегка улыбнулся: чья работа! И повел в другой зал, показывать копию бронзовой головы фракийского царя, разбившего войска сатрапа Александра Македонского, попутно напоминая историю раскопанного недалеко кургана, откуда и голова. В Софии в Археологическом музее оригинал (конечно, забрали из провинции...) называют, из робости ли, из вредности «голова мужчины», но Иван-то вслед за археологами и краеведами уверен: Севт III. Посмотрите сами — такого царственного лица и в Риме не найдете...

А здесь, в Велико-Тырново, бывшей столице средневекового болгарского царства, Иван начал рассказ со свидетельств довольно позднего времени, ведь улица Самоводска чаршия расцвела после освобождения от турок в позапрошлом веке. Но жива до сих пор, действует, плодоносит.

...Ну вот к чему эти, может быть, ничего не говорящие посторонним, подробности? Просто хочется закрепить в памяти тот день, последний с Иваном. Кто-нибудь еще, кроме нас, его вдруг запомнит, прочитав, — продлится день. Продлится Иван. Иван-мастер повел нас туда, где работа головы и умеющих рук наглядно видна.

Русская жена его Лена, благодаря которой мы с Верой оказались в дальних родственниках Ивана, поход корректиро-

вала. Она тоже из мастеров-химиков, только не по пороху, а по розам и продуктам из них. Конечно, они с Верой останавливались у керамики и плетений, у лавочки художника с типично болгарской фамилией Иванов. Оглянулись на окно, за которым огромная полусфера, вращаясь, вытягивала из массива теста и наматывала на себя нескончаемую нить тонкой лапши, ее здесь едят на десерт с ягодными или другими сладкими добавками. А мы с Иваном шли дальше, от памятника Стефану Стамболову, премьеру конца позапрошлого века, убитому пророссийским террористом, мимо лавочки с глиняными котами — у тырновских хвосты традиционно задраны, тогда как в соседнем Габрово, по юмористической суровой традиции, предпочитают хвосты обрубить в память об анекдоте про экономных хозяев, жалеющих выпускать тепло из дома из-за важного шестивия кота через порог. Иван вспомнил, что где-то в конце улицы есть кожевенная мануфактура.

Он возвышался над толпой. Даже над джипами на обочине. В Болгарии многие мужчины солидны, значительны и красивы, но не у многих, естественно, два метра в высоту и, как кажется, полтора — в плечах. В отличие от большинства больших людей, Иван не «тормозил», ходил и думал быстро. И, как положено, терпеливо сносил корректировки Лены, которая могла пройти у него под рукой, как в арку. Как под крылом. Хотя птичку напоминала как раз она, а он, скорее, — могучее дерево. Которое держит гнездо.

Ну вот и мануфактура. Точнее, маленький, особенно если Иван заходит, магазинчик с необходимыми для подгонки инструментами. Так и есть: подогнать выбранный Иваном поясной ремень потребовалось. Ну хорошо, через час вернемся и заберем. Правда, сперва я думал, что он интересуется ремешками для часов, он же фанат этого дела. Часового. Разбирает, смотрит, чинит, от советских до антисоветских. И ремешки к ним подбирает, даже Лену заразил. Если она

утром не надевает какой-нибудь из его презентов, он сразу начинает думать, чем успел ее огорчить. А если надевает – счастлив. Это как сигнал доверия, как в ребяческой игре: я с тобой в твоих причудах, не считаю их пустыми.

...Мартовская смальта теплого болгарского дня, кусочки которой я наново пытаюсь склеить, казалось, не оставляли места ничему дурному, неправильному, уродливому. Может быть, потому что не оставлял этому места Иван, занимая поле зрения и внимания не только фигурой.

Многоугольники смальты. Сидим в кафе с видом на город, на мосты и мостики через реку Янтра, ее название совпадает с 14-конечной древнеиндийской звездой. Рассказываю, что Шри-Янтра уже много тысяч лет влияет на человека, вероятно потому, как считают физиологи, что линии, идущие через центр от концов звезды, образуют сетку многоугольников, резонирующую с колбочками сетчатки человеческого глаза. К тому же они еще и раскрашены в основные цвета, на которые настроена сетчатка: синий, как вот это небо, красный – как черепица, зеленый – как молодые листья. И потому медитация над Шри-Янтрой усиливает состояние индуса, если он пришел расстроенным – может впасть в депрессию, если успокоенным – в нирвану.

Фотографирую Ивана и Лену, они, отдыхая немного от работы и показывая нам то, что им дорого, выглядят счастливыми. Как в нирване. Мы идем дальше. Вот и глянцевые, как глазурь керамики, яркие и разные – от бело-розового до коричневого – конусы бутонов на полуголой магнолии в саду старинной церкви у самого берега Янтры. Прямоугольные плиты здешней царской усыпальницы то и дело заливают наводнения...

3 марта – большой болгарский праздник, день освобождения от турок, получилось сразу несколько выходных. Поэтому Иван и Лена не на работе и смогли принять нас. Еще и поэто-

му говорили об истории. Когда были на главном тырновском холме – на Царевце, смотрели следы римлян и византийцев, которые построили тут крепость для защиты от болгар. А потом Царевец стал болгарским Кремлем, но главными, как показывал Иван, были в государстве не цари, а патриархи, недаром собор в крепости построен на самой высоте, а царский дворец – пониже.

И сейчас патриархия демонстрирует независимость: собор всем миром отстроили, восстановили дотурецкий, до разрушения, облик, лучшие болгарские художники его расписали в патетическом и суровом стиле, но два года православные ортодоксы не хотели принимать эту живопись. И собор стоял бездействующим, неосвященным. Но мнение простых верующих, общественное мнение болгар оказалось сильнее – начальники в рясах сдались.

За упорством стоял авторитет, ведь и в освободительной борьбе против турок священники были идеологами. Иван рассказывает, что в середине 19-го века именно образованные классы поднимали национальное самосознание, крестьяне и пролетарии не шибко восставали против порядков. Ага, теперь понятно, почему сбоку кафедрального собора напротив Царевца, на другом берегу Янтры, рядом со статуей священника стоит памятник молодому человеку в тужурке, студенту, что ли, с пистолетом в руках. Типа наших народовольцев.

Теодор Лефтеров. Яндекс о нем понятия не имеет, зато нашел Гугл. В большой статье о нем три строки: получил высшее образование в Англии, был успешным торговцем, а стал сельским учителем после проповедей отца Матея Преображенски по прозвищу «Миткалото». Проповедник и привел его к революционерам, поднявшим восстание, отсюда и пистолет. Восстание было подавлено в 1876 году турками, вот и разгадка надписи с датами его короткой жизни: 1852–1876...

– Иван, ты не думаешь, что они были, как и их русские собратья, террористами? Что из-за них турки потом и начали резать болгар?

– Да, процесс был обоюдоострым. Можно, конечно, их назвать террористами. Но помнишь в Казанлыке, в ограде церкви святого Ильи, каменная доска? Там турки после временного отступления русских войск вырезали двести православных. Русское командование предупреждало горожан об опасности, предлагало уходить с войсками, но они не поверили. Как это, три столетия жили вместе – и тут вдруг нас будут резать? Башибузуки, территориальное ополчение – это уж чисто террор, благославляемый государством и прикрываемый национал-патриотизмом, они и резали. Как потом, в первую Мировую, христиан в самой Турции.

Он не просто рассказывает вычитанное и услышанное, он сопоставляет, не прибегая к догмам. За это Ивана и ценят на интернет-форумах, от сайта фанатов часового дела до площадок энтузиастов авиации, вооружений, реконструкции прошлого.

– Ты знаешь, на форуме реконструкторов Гиркин производил вполне адекватное впечатление, – Иван пожимает плечами. – А вот как стал Стрелковым, да как пошел освобождать Крым – с катушек съехал.

Вот какое понятие, русское, не из околонуточного уже оборота: подлинность. Она и звучала в словах Ивана. И хотя мы не видели, и не могли – секретно, Ивана в главном его деле, но догадывались, что и в нем он работает с той же страстью и дотошностью. А пороха, как мы знаем, теперь разные бывают. Твердое топливо для ракет – это что, не порох? Наверное, Иван такие смеси и составлял, нам не рассказывал. «Пороха не выдумает» – это не про него. В родном питерском институте, спустя много лет после окончания, он числится одним из двух-трех зарубежных научных экспертов.

Он получается идеальным, без недостатков. Без сомнений. А разве так бывает? С живыми-то людьми?..

– Иван, мы всяко больше часа ходим, пора в твою коженную лавочку, ремень-то готов, наверное.

– Да нет, мы уже далеко ушли в другую сторону, не пойдем, бог с ним, с ремнем.

– Ну вон же этот угол! А за ним и магазинчик.

Не хотел, но пошли. Вот зачем мне надо было так настаивать, лезть со своими указаниями в чужой быт? Что за привычка! Все доводить до конца: раз сказали, что возьмем, надо вернуться и взять. Может же быть, самое простое, Иван подумал, что тратить лишних 30 левов, то есть – 15 евро, для собственного удовольствия не стоит, еще ремонт дома не закончил. Он и в старом ремне может походить... Нет, конечно, этот вот лучше.

– Иван, а почему такой толстый он? Рядом полегче.

– Я выбрал из буйволиной кожи, а толстый – долго прослужит. На всю жизнь хватит.

...Через полтора месяца по всем каналам сообщили: на «Арсенале» авария, погибли двое, инженер и рабочий. Инженер – Иван. Им не хватило пяти секунд, те, кто в цеху были поодаль, не пострадали. Незадолго перед этим Иван объяснял на форуме, почему он сам ходит проверять действия персонала, хотя это совсем не обязательно: упала квалификация работников, если выполнять задуманное будет один рабочий, у него намного меньше шансов спастись при аварии и намного больше – аварию устроить.

И еще Иван написал, недели за две до гибели, что теперь он понимает строки «Нет, весь я не уйду...», потому что в его постах на форуме он останется в любом случае, все хорошее и все плохое, что было с ним. Доброе и злое...

Плача, я думал, что если можешь хоть чем-то доставить себе чистую радость, пусть на минуту, пусть от созерцания

простой вещицы, – нельзя отказываться. Не знаю, о чем думал Иван на следующий день, когда мы уехали. Надеюсь, он надел новый ремень.

А Иван, провожая, жалел, что не свозил нас на развалины древнего города. И говорил, прерывая себя, что мы не в последний раз видимся, что еще достанется рядом с его домом для нас новое, невиданное. Древние фрески на полу, оставшиеся от древних дворцов и вилл. Кусочки смальты, не слишком потускневшие за последние две тысячи лет.

Драма «Кошки»

– Девочки, на прогулку!

И они потянулись за ней, за ворота посмотреть, что это за детскую площадку построила деревенская администрация на европейские деньги. «Девочки» – это с иронией, рожалые бабы, мать и дочь. Пошли, энергично задрав хвосты. Хотя считается, что они легко и быстро забывают родственные связи, Дурында и Лилька общаются, по мнению Светы, в стиле «мать и дитя». Впрочем, может и это – часть Светинога кошачьего мифа. Или шоу. Свето-представления. И не только для себя. Недаром Светин муж говорит, что в селе они теперь – достопримечательность: она разговаривает с кошками, а он, по московской богемной привычке, ночью жжёт свет и во двор выходит часа в три дня...

Шли, переговариваясь, то есть, не мяукая, а как-то бурча, не каждый раз обращаясь к Свете, но уверенные, что она понимает их гибкий язык. Они-то, казалось, понимают всё, что она говорит, даже на отвлечённые темы.

– Ну вот зачем она здесь? Бетон, дерево, пластик. Лучше б просто дороги покрыли. Сколько ребятишек в селе? Раз-два – и обчёлся. Так ведь и напротив церкви есть площадка, подновили бы – и гуляйте. Нет, надо освоить отпущенное, отчитаться!

Вначале Дурында не хотела переходить дорогу, после операции она стала толстеть и реже уходит за ограду. Со Светой по поводу площадки не согласились. Внимательно осмотрели все аттракционы и поместили, как листовки приклеили для других кошек: мы здесь были. На всякий случай, вдруг повезет и на этой территории у них будет привилегия.

Котят у Дурынды с Лилькой было намного больше, чем детей в окрестной махалле — так в Болгарии по оставшейся восточной традиции называют компактные кварталы. В России сказали бы — концы деревни. Когда шесть лет назад Света, актриса на пенсии, сюда приехала и начала вживаться в чужую до этого жизнь, ни за что бы не подумала, что станет таким «антрепренёром-главрежем» большой кошачьей труппы. Не то что равнодушна, а и не любила она кошек, пускать в дом — подавно не думала. Пока Дурында пугливо не села на подоконник.

Конечно, когда живое существо тарашится на тебя из-за стекла, отгораживающего недоступную вероятную еду и территорию, оно не выглядит слишком умным. Худая бродячая кошка получила свое ласковое имя, потому что в слове с суффиксами больше оттенков, чем в состоящем из одного корня. Хотя по части стратегии можно было бы и поспорить, кто тут Дурында. Сначала кошка заставила выносить ей корм и ставить воду, затем с ней вступили в доверительные и образовательные беседы — ну не может актриса с темпераментом жены главного режиссера терпеть отстранённого зрителя!

Потом началась эпопея с котятами. Первый помёт перенесли с торжественностью обновления дома, Лилька как раз из него. Создали берлогу из приличных чистых тряпок, освободив уголок мастерской (которая с тех пор превратилась в Кошкин дом). Дурында усвоила преимущества комфорта и беременела с чёткостью минного взрывателя и постоянством народных праздников. Тем более, что папаш, привлечённых регулярно выставляемой едой, хватало. А вот обратные действия пробуксовывали, стратегии освобождения приусадебной территории от нашествия котят не было. Что, топить?!

Надо сказать, что сам-то Главреж (звание теперь, со временем, условно), вопреки наименованию и профессиональным привычкам, не был жестоким и кровожадным. Поэтому для

решения проблем стали привлекать окружающих. Они тоже отказались топить. Пока думали, котят становилось все больше, пристроить в доверчивые руки удалось только парочку. Главреж получил новое прозвище — Грауэрман, по имени когда-то лучшего роддома Москвы. Найденное паллиативное решение — развозить подросших котят по окрестностям и подбрасывать их в заброшенные дома — не успевало разгрузить придомное пространство.

...Подобные тупики встречались в отечественной истории и раньше. Вот, к примеру, тоже интеллигентный человек, переводчик Агаты Кристи. Жил у них с мамой кот, украшал четырехкомнатную квартиру в сталинской высотке над метро «Красные ворота». На лестничной площадке элитного дома мама обнаружила еще одного несчастного котенка. Взяли и его. А он, подросток, оказался кошечкой. В общем, к моменту отхода мамы в мир иной их было уже семнадцать. Переводчик не стал противиться памяти матери, только, наконец, отделил котов от кошек, в разных комнатах у него стояли коробки для каждой особи, комнаты надежно закрывал. Но все равно запах проникал на многие этажи до того бывшим элитным дома, отчаявшийся раздать котиков переводчик в унисон фамилии получил прозвище Кошкинази. Многие животные от невозможности реализовать гормоны облысели. А вот интересно, если бы он не перевел «Мышеловку», кто бы у него размножился?..

Возвращаясь из промозглой Москвы в солнечную Болгарию, надо сказать, что к напрашивающейся спасительной идее хирургической операции и Света не сразу пришла. Только после того, как лишенные прежних котят мамы стали их искать, залезая по ночам по москитным сеткам на второй этаж и вынуждая порванные сетки менять. Чтобы утешиться, они через пару месяцев заводили новых зверёнышей.

Это только представляется, что раз хирургия, то дело быстрое, главное – решиться. Света и тут шла к результату долго, после долгих же разговоров, с фантастическими подробностями, во многих драматических актах. Дурында не давалась, по словам хозяйки, никому, соображала, когда ее должны были отвезти к ветеринару, и исчезала. А если наступали случайно заглянувшей в Кошкин дом, то царапалась так отчаянно, что не было никакой возможности засунуть в сумку или мешок – драла, потом старались приспособить ящик, специально построенный для развозки котят по соседним селам. Вроде бы даже разодрала толстые перчатки, надетые соседом Гошей, исполняющим многие работы по дому, даже когда Главреж и не отлучался на многие месяцы репетиций в Москве.

Хитрая мамаша уползала рожать в неведомые сараи, приводила выводок постепенно, Света не могла с достоверностью определить, где чьи дети. Поэтому нашла такое объяснение: соседи подбрасывают, раз у нас и так полон двор кормящихся. Тем более, что кормила «богатая русская» (пенсионерка) свое зверье не чем попало, а редким для болгарской деревни кошачьим кормом. В результате, котята обнаруживались вне всяких графиков и систем, то еще четверо в запасных покрышках, то еще трое подростков играли в гараже и лазали по смокве. Как-то раз гостившие сын с внучкой насчитали с утра четырнадцать котят. Хотя буквально накануне прошла очередная развозка подростовшего помета.

В общем, когда уже и Лилька, успевшая пару раз внести немалый вклад в оживление двора, была стерилизована и по причине ран и страданий допущена в дом на мягкие перины, только тогда решительно взялись за хирургическое укрощение Дурындиной страсти к размножению. В итоге, теперь во дворе, а отчасти – и дома, осталась только постоянная труппа: Дурында, Лилька и двое ее собратьев из первого

выпуска – флегматичный Нека и субтильная Деча. К слову, что-то не было слышно о стерилизации последней, так что девальвация кошек еще может вернуться. Не настолько же Нека флегматик. С этой командой и разыгрывает Света свои ежедневные представления.

– Лилька, не будь такой доверчивой! Дурында – интриганка, она тебе специально нашептала, что в доме больше кормить не будут, а ты и поверила – три дня у нее в мастерской ночевала. Она тебе просто завидует, сама хочет в тепло, но побаивается.

Сказывается опыт многолетней примы, Света и с ними продолжает обычные театральные нормы общения. Они вообще нашли друг друга: Света – добрая, взбалмошная, статная, с седыми буклями, то ли императрица-мать, то ли – матушка-императрица, и вольнолюбивые казаки-казачки, привлечённые кормом и теплом в крепостной театр. Жалуются госпоже, когда чужие коты приходят и покушаются на их миски. Сами не отгоняют, апеллируют к высшей власти.

Света, извиняясь за прежнее равнодушие, старается узнать все о кошках, из интернета, конечно. Но теория не совпадает с практикой.

– Кормить их надо всего два раза в день, воды давать.

– А вы сколько кормите?

– А как попросят, проголодаются – и даем.

Тут надо посмотреть, кто кого воспитывает. Кошки нашли даже способ бороться с богемными привычками. Ждать по полдня, пока хозяева проснуться? Ну нет! И по новым антикомарным сеткам наверх, к окну спальни, поорать.

– Представляешь, впускаю в окно, думаю, сейчас Лилька к миске помчится, а она – вниз по лестнице, к дверям. Открываю – а там вся компания, втроем ждут. Лильку послали напомнить, как профсоюзного вожака.

Лилька-миндальные глазки вообще – как прима при хозяйке-главреже, особые отношения. Света ей устроила три места спальных, на обоих этажах и на мансарде. Лилька в благодарность забирается на Светину многострадальную поясницу и часа по три лечит. Лежит, мнёт когтями и мурлычет. Кошки вообще знают, где что болит.

Вообще, честно говоря, такое бессловесное общение больше похоже на истину, чем Светина вера в понимание кошками человеческой речи. Ну откуда болгарские хвостатые бродяги научились русскому языку? И люди-то здешние не всегда сходу разбирают Светину болгарскую речь, хотя она и в словари заглядывает, и учебники штудирует, и даже несколько занятий с учительницей себе устроила. Просто кошачьи мозги ловят интонацию, запоминают, анализируют, экстраполируют ее на другие слова и выражения. Вот и вся телепатия. Вся?..

Смешно, но какая-то система Станиславского в этом чувствуется. «Вырастить зерно роли...». Прими другого, увидь его – и ты много чего откроешь в себе. Света легко показывает, как Лилька лапой тянет из миски кусочки корма, как она улыбается, как смотрит... Так же, как улыбками и принятыми здесь междометиями (мгновенно усвоила!), добавленными к словам, Света легко объясняет болгарским соседям, что хочет им сказать. А больше-то и поговорить не с кем, Главреж по полгода проводит в московских командировках, русских в их деревне нет.

Зато есть Дурында, Лилька, Нека и Деча. Спасибо им.

Краткая история присебачивания

...Это Маша, младшая дочь сказала слово «присебачивание», сказала давно, когда ее литературная биография даже не подразумевалась. И так, присоединение мира к себе, а не только притирание себя к миру (ты-то ведь для себя важнее всего остального! По крайней мере, в том возрасте, когда впервые об этом задумываешься и когда Маша придумала слово). Присвоение права что-то считать своим. Освоение...

Байские пережитки

Пора вставать, надо козлят резать. Да и козу в последний раз выпустить, вон уже соседские под окном прогремели колокольцами. Через полчаса застучат копыта помощнее — пойдут магары в лес, каждый со своим хозяином, за хворостом, за шишками. Райчо будет бороться со своим ослом, боясь запачкать аккуратную рубашечку, непонятно, кто кого ведет в лес: Райчо магара или магар — его. Под ноги падают абрикосы из-за забора Андреевой усадьбы, ослы их с радостью жуют. А ближе к восьми два-три всадника оседлают своих рабочих лошадок тут же, перед домом бая Андрея.

Дом, сто лет назад построенный деревенским священником, у наследников которого бай Андрея в семидесятые годы его купил, стоит лицом к маленькому скверу, собравшему в узелок пять дорог. Почти Питер — Пять углов, если бы Андрея

там бывал... В центре лужайки огромное дерево, говорят, этот явор (чинар, платан) посадили турки на память, когда их выселяли из села после Балканских войн. Под явором – чишма, источник, кран которого никогда не закрывается. Так и льется горная вода из никелированного крана в гранитную колоду, многие поколения двуногих и копытных пьют эту чистейшую минералку. Вот и стал скверик центром этого края деревни Плоски, здесь и отдыхают за столиком на скамейке, которые из-за вандализма коз приходится регулярно обновлять, отсюда и уходят в лес или на пастбище. Очень уж удобная здесь, под явором, площадка вокруг чишмы, подвел лошадь к ее бордюру, а сам с невысокой горки – прыг на холку!

Андрея уже свое отпрыгал. Одно время он вообще ходил с трудом. С тех пор, после инсульта, у него остался висеть над спинкой кровати выключатель, который бай Андрея собственноручно прикрутил с помощью старого витого шнура прямо к лампочке под потолком. Об этот выключатель он и стукнулся сейчас, вставая. Заметно сгорбленный, но мускулистый до сих пор, он автоматически отмахнулся от шнура, грубо прошедшего по его загорелой лысине, и пошел в хлев – сыпать корм курам.

Старик вообще все привык в доме делать сам, пусть некажисто, но по собственному разумению. Две его мастерские, винарня, сараи, хлев забиты инструментами. И хотя его верстаку в большой мастерской может позавидовать любой столяр, кухонную стенку на втором этаже он решил сделать из железобетона: гнул арматуру, заливал цементом. Только дверцы на полках фанерные. Видно, он жалел тратить дерево. Одних дров накопил кубометров пятнадцать.

Его уговорили дрова с собой не брать, перевозка за пятьсот километров обойдется дороже самого груза, да и новые хозяева усадьбы согласились за них заплатить. Хотя им, собирающимся топить лишь одну печку, этих кубометров хватит

до конца жизни. Козу в новую жизнь старик возьмет, в микро-автобус она поместится. Пусть попасется, пока он козлят будет резать и мясо заготавливать. Картошку он всю выкопал, малину собрал. Покупатели хотели, чтобы уехал бай Андрея сразу, как деньги получил. Как же!

Два года он вообще водил за нос и дочь, и зятя, и всевозможных покупателей, то соглашаясь на переезд в другой конец Болгарии к дочке, которой трудно стало каждый раз срываться с места и приезжать по сигналу врачей, то отказываясь от уже обговоренных сделок под любым, пусть и смешным предлогом. Что со старика возьмешь, может, это придурь его захватила после удара, вот и лепит настойчивому риелтору Митке, представляющему ему очередных покупателей, что Митко этот – жулик, похитил у него бочку ракии, казан взял! А потом, посмеиваясь, рассказывает об этом другому Митке (Димитару), пожилому соседу, хотя именно тот, возможно, и брал когда-то казан.

Ну все. Дочка, зять и Митко поставили ультиматум. Сегодня бай с козой уезжают из своего дома. Кто может пообещать, что лысый Андрея, со щегольскими косыми бачками, подчеркивающими общую хитрость лица, сможет и дальше справляться со своим хозяйством, один – со своей стариковской жизнью. Восемьдесят два года – не баран начихал. Надо только напомнить новым хозяевам, которым в наследство он посадил неподалеку от своей любимой алычи два рядка помидоров, чтобы не забывали их поливать. А алыча... Пусть и мелкие у нее, по сравнению со сливой, красные плоды, однако вон даже Митко хвалит их сладость новым хозяевам.

Ладно, пора за дело. Вещи нужные вроде все собраны, а ненужные цыган Роко подберет. И фасоль, запасенную в банках, и варенье из смоквы с орехами, и вино... На очаге в летней кухне варятся в огромном казане куски мяса, рядом на оgrade сохнут беленькие шкурки...

Мы с Любой, новые хозяева, переехали наутро после его отъезда. На рассвете он позвонил с дороги Митке и чуть не плакал — в предотъездной суете (от огорчения, от отчаянья?) забыл зубы. Мы их нашли в стаканчике на кухне. Митко отправил старику его вставную челюсть почтой. Теперь из одного окна кабинета на втором этаже смотрим на Грецию, а из другого, в этой же комнате, — на Македонию. Теперь нам достались утренний стук копыт и звон колокольцев, крики Райчо, разговоры с Митко-соседом, его ракия, последние бутылки из винарни, сливы, абрикосы, смоквы и домати, минералка из чишмы и горный воздух.

Мы заняли место в столетнем доме. Вытеснили старика из ниши, за сорок лет оборудованной, отвоеванной им у жизни. Но старику-то ничего другого не оставалось, ему так по силам будет! И почему-то нет того стеснения, которое возникало половину нашей жизни при разговорах об эмиграции. Во-первых, мы уезжаем и приезжаем в Москву, никого не покинули, ничему не изменили. Во-вторых, не нахлебниками уехали в чужую богатую страну, а на свои деньги («ситроен» продали — на пол-покупки хватило!) приобрели домик. Уехали жить рядом с людьми не богаче нашего, но при этом спокойных, дружелюбных, с достоинством, говорящих на языке, корни которого будто сами прорастают в гортани, привыкшей к славянским и тюркским звукам.

А экономическая, не вызванная репрессиями эмиграция в богатую Америку или богатую Европу напоминала нам раньше такой вот разговор: «Ой какая у вас квартира! Район хороший, воздух, просторная, евроремонт... А давайте мы у вас будем жить!» Идти приживалами под старость? Помню это повальное одесское безумие, когда пустели квартал за кварталом. Голод гнал? Невозможность реализовать? Что такого некоторые из них сумели реализовать на Брайтоне, кроме шмоток и колбасы друг другу?

Ради детей... Мы начали задумываться о Болгарии еще до Болотной, до того, как вслед за ней стал актуальным хештег «rogavalit». И тогда мы не думали, что популярное объяснение причины эмиграции «четвертой волны» — ради детей! — станет нам таким понятным. К тому же в Европе (а в Штатах мы не бывали) увидели многих ровесников, которым живется не лучше оставшихся московских или питерских знакомых. Но по крайней мере их никто не понуждает к двоемыслию. Нет, оно и там встречается, но добровольное.

Итак, почему у нас появился этот дом, почему Болгария, почему люди вообще меняют ниши, как и почему они что-то начинают считать своим. Подумаю об этом и сопутствующем, не претендуя на истину, но выискивая ее проявления в разномерных процессах, ища аналогии, оправдания, закономерности. Может, и далеко зайду в рассуждениях — до судеб империй, религий и человечества.

Если у кого-то остался в мозгу уголок, засиженный мухами советской пропаганды, такого человека могу успокоить: бай Андрея (именно так, а не Андрей) никак не связан с басмачами и прочими пережитками феодальных отношений прежней Средней (теперь — Центральной) Азии. Бай — это просто уважаемый старый человек, наверно, остался в болгарском языке от протоболгар, пришедших из Булгарии, с тюркской Волги, так же, как и чишма, чорба (суп, шурпа), казан и другие обиходные слова.

Наука побежать

Здесь, в замшелом казане Балкан, история мешала человеческое мясо большим походным черпаком. И не только далекая, тысячелетняя, но и совсем недавняя. Всего-то сто пятьдесят лет назад при Османской империи болгарские деревни в этих местах жались повыше, к лесистым горам и монастырям, а турецкие — пониже, ближе к рекам и дорогам, в конечном счете — ближе к властям.

А наша деревня, Плоски, выпадает из этого ряда, хотя и забралась метров на шестьсот над уровнем моря. Нынешние жители заселили ее в первые десятилетия двадцатого века, когда продолжалось практически вековое перемешивание народов и государств, вызванное обветшанием Османской империи. Судьбу ускользающего турецкого наследия решали войны новых государств и интриги государств, на тот момент оставшихся великими.

Вот по итогам очередной Балканской войны Болгария (с помощью Германии) и оттяпала у Турции этот кусок исторической Фракии. На него, в принципе, и Греция претендовала, но болгары сделали этот плацдарм крайним юго-западом своей страны, назвали его Болгарской Македонией. С остальной территорией страны он соединен Кресненским дефиле, извилистым длинным ущельем между разными горными цепями.

Вообще, за наследование этого имени бьются все три государства, видные ныне из окна моего кабинета. Греция добилась, чтобы бывшая югославская республика Македония и в ООН сохранила свое сложносочиненное имя (БЮРМ), греки не признают за славянами права считаться потомками Филиппа и Александра. Хотя бывший Филиппополис — это нынешний болгарский Пловдив. Зато в Республике Македония (ее язык, да и жители в целом не слишком отличаются

от тутошних) находится Охрид, когда-то столица Второго болгарского царства – соперника Византии. Между нами и Охридом, километрах в тридцати от Пლოსки, почти на самой нынешней границе, – развалины Самуиловой крепости. Это здесь Великая Болгария противостояла наследникам эллинистической Македонии, и царь Самуил потерпел поражение.

Но все равно в нашем общинном центре Сандански главная улица называется Македония. Так же, как и аэропорт в греческих Салониках. А на салоницкой набережной рядом с символом города – Белой башней стоит беломраморный памятник греческому генералу, спасшему сто лет назад город от болгарской оккупации. О тех войнах еще не раз напоминать придется...

Болгарская Македония – последняя территория, освобожденная от османского ига. Так у болгарского царя появился и новый винодельческий район с центром в знаменитом Мельнике, и новые подданные. В том числе и те, кто раньше жил в других районах Греции.

Дело в том, что болгары решили восстановить права на древний Солун и окрестности, греки обиделись на недавних союзников по борьбе с турками, обозвали захватчиками и решили покарать их соплеменников. Всем болгарам, жившим в Греции, они предложили простенький выбор: если вы согласны считать себя греками – оставайтесь, если такое решение не укладывается в ваши болгарские головы – уматывайте на историческую родину. Сразу надо заметить в скобках, что уже в более просвещенные времена схожее решение выбрали коммунистические цари Народной Болгарии: всем туркам, жившим в стране, велели записаться в болгары. О том, кто они на самом деле, международная общественность узнавала по скандалам, когда какой-нибудь болгарский силач, чемпион мира в тяжелой атлетике, вдруг решал обосноваться в Стамбуле и менял

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru